

МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

ПОДСКАЖИТЕ,
ПОЖАЛУЙСТА

Открываю небольшую дверь. Четыре едва приметные ступеньки ведут наверх. Полумрак. Низкое кресло скорее удобно, чем уютно. Рядом, на стенке, небольшой пульт с кнопками и рычажками. Впереди вместо стола — полочка с подсветкой. На ней лежит раскрытая тетрадь, где попеременно с текстом разбросаны какие-то знаки. А дальше, за полукруглым окном, всего в метре от меня, тугой бархат лег на деревянный настил, скрывая за собой мир, увлекательный и сложный. И в центре его парит лениво-грациозно белая птица — знаменитая мхатовская чайка.

Сажу в суфлерской будке и чувствую себя немного приобщенным к театральным таинствам. Пытаюсь представить, как на лежащей передо мною сцене разыгрывались трагедии, мелодрамы, комедии. Вспоминаю, как однажды сам был суфлером. В школьной постановке для меня не хватило роли, и я, укрывшись за пузатым пианино, подсказывал нашим премьерам — суетливому Кольке Макину и томной Валечке Сизовой...

А здесь... Даже дух захватывает при мысли о тех, кто ходил по сцене этого знаменитого здания в проезде Художественного театра. И не просто ходил, а творил — великое и вечное Искусство. И ведь какая-то роль во всем этом принадлежала суфлерам. Но какая?..

— Понравилось вам мое рабочее место? — поднявшись на пару ступенек в свой «кабинет», Ганна Ангарова пытается по лицу гостя выявить

впечатление. Выше ей уже не пройти: будка на посетителей не рассчитана. Поэтому впечатления и вопросы я выношу вниз, где оказывается свободной одна из артистических уборных.

— Давно смотрите спектакли из этой будки?

— Уже четыре года. И не просто смотрю, а одновременно еще слежу за знаками в лежащем передо мной экземпляре пьесы.

— Для чего же эти знаки?

— Во-первых, я подаю по ним сигналы со своего пульта: на выход актеров, на различные стуки и шумы, телефонные звонки. Например, только в спектакле «Последние дни Пушкина» проходит около двадцати сигналов. Ну и актеры порой просят: вот в этом месте, пожалуйста, последите за мной. А когда, случается, срочно вводят нового исполнителя, суфлер в течение всей пьесы внимает ему буквально подстрочно.

— Что привело вас во МХАТ?

— Сначала ходила сюда как зритель, следуя семейным привязанностям. А через год после школы попросилась в театр на работу. Прежде чем обрела самостоятельность, три месяца занималась с опытейшим нашим суфлером Панной Ивановой Журавлевой. С тех пор вела уже пятнадцать спектаклей.

— Какую роль при подготовке и выпуске пьес играете вы с коллегами?

— Не хочу возносить суфлера на один уровень с артистами, но и у него обязанности немалые и весьма важные. В репетиционный период участвую в правке текста. Стараюсь уловить и запомнить настрой и ритм каждого актера во время спектакля.

Это помогает потом быстро и незаметно прийти кому-нибудь на помощь.

— Назовите качества, на ваш взгляд, необходимые суфлеру.

— Четкая дикция, хорошая память, умение сосредоточиться на происходящем перед тобой действием, начисто забыв про личные радости и печали.

Показываю Ганне Ангаровой страницу своего блокнота, на которой записаны слова Олега Табакова: «Я никогда не учу текста. Он запоминается сам по себе. Суфлер мне не нужен. Считаю, что это пережиток от той поры, когда театр вынужден был каждую пятницу давать премьеру. Но сейчас, при трех-четырех новых работах в год, актеры могут прекрасно выучить текст».

— У Табакова есть сторонники и в нашем театре, — говорит Г. Ангарова. — Но в основном это новички МХАТа. Некоторые из них поначалу просят не подсказывать им во время спектакля. Другие, наоборот, впервые и с радостью встречаются у нас с суфлерской службой. Впрочем, об этом вам, видимо, лучше поговорить с кем-нибудь из актеров...

Что то негромко, но басовито напевая, в занятую нами уборную входит заслуженный артист республики Г. Н. Колчицкий, один из ветеранов МХАТа. Сегодняшняя пьеса начинается для него лишь со второй картины, он находится в прекрасном расположении духа и с удовольствием включается в разговор:

— О, вы знаете, суфлер — незаменимый для театра человек! Конечно, большинство актеров обладает прекрасной памятью и знает свои роли

наизусть. Но годы... Оттачивая мастерство, они подтачивают память. Не столь часто забываешь слова, сколько боишься, что это произойдет. А присутствие суфлера успокаивает, придает уверенности, помогает играть без помех и излишнего напряжения.

— Но большой мастер сцены может, вероятно, при случае так симпровизировать, что его ошибки не заметит ни один зритель?

— Может, это верно. Но МХАТ всегда отличался чистотой текста. Возьмите при желании текст любой пьесы и сверьте его со словами актеров. Все сойдется, вплоть до запятых. Потому что принципом нашего коллектива всегда было возможно более глубокое раскрытие драматургической основы, а не импровизация на театральные темы...

Давно уже это случилось. После спектакля «Дворянское гнездо» ко мне подошел суфлер Иван Сергеевич Свицов, в прошлом актер, и сказал: «Галекс Николаевич! Вот вы выразились: «чрезвычайно добры». А у Тургенева написано «чрезмерно добры». Может, по-вашему, и лучше, но Тургенева все-таки искажать не надо».

На всю жизнь я запомнил этот совет старого, заслуженного суфлера, ветерана театра и патриота его принципов...

До начала очередного спектакля оставалось пять минут. Мы простились с Г. Н. Колчицким и отправились на свои места. Я — в зрительный зал, а Ганна Ангарова — самый молодой суфлер столу — в свою будку, над которой продолжала полет острокрылая чайка...

А. КУРАНОВ.